

Эразм
Роттердамский

Словарь
Толкователь

перевод
Алексея Козлова

Эразм Роттердамский
Похвала глупости

«Издательские решения»

Ротердамский Э.

Похвала глупости / Э. Ротердамский — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-500871-8

Знаменитое антиклерикальное сочинение Эразма Ротердамского «Похвала Глупости» в адаптированном переводе Алексея Козлова.

ISBN 978-5-00-500871-8

© Ротердамский Э.
© Издательские решения

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ	6
Глава I	8
Глава II	9
Глава III	10
Глава IV	11
Глава V	12
Глава VI	13
Глава VII	14
Глава VIII	15
Глава IX	16
Глава X	17
Глава XI	18
Глава XII	19
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Похвала глупости

Эразм Роттердамский

Дизайнер обложки Алексей Борисович Козлов

Переводчик Алексей Борисович Козлов

© Эразм Роттердамский, 2019

© Алексей Борисович Козлов, дизайн обложки, 2019

© Алексей Борисович Козлов, перевод, 2019

ISBN 978-5-0050-0871-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ПРЕДИСЛОВИЕ

Эразм Роттердамский своему милому Томасу Мору – с приветом!

Не так давно, во время моего путешествия из Италии в Англию я почёл, дабы время, которое я проводил в седле, не тратилось впустую на досужие сплетни, чуждые свободному вдохновению, и литературе, и либо вспоминал о нашем общем учёном времяпровождении, либо наслаждался воспоминаниями, воскрешая в памяти покинутых друзей, столь просвещённых, сколь и милых моему сердцу. Среди них ты, мой добрый Мор, представлялся в числе излюбленных, и здесь, находясь вдали от тебя я тем не менее чувствовал, что ты становился всё ближе, чем дальше я удалялся от тебя, и наше былое общение при этом становилось всё ценнее и желаннее, пока не стало для меня весомее всего, что я знал в жизни.

И потому, убедившись, что надо что-то делать и что время не годится для серьёзных дел, я решил подшутить над Глупостью.

«Какая Афина вбила тебе это в голову?» – наверняка спросишь ты меня. Во-первых, меня навело на эту мысль сама твоя фамилия, Мор, столь же близкая к слову *Moriae* (глупость), сколь и противная тебе, ибо, по общему мнению, Ты и Глупость – обитатели разных планет. Во-вторых, я предполагал, что это упражнение в остроумии будет не в последнюю очередь одобрено тобой, ибо ты всегда любил шутки, схожие с этими, резкие и полные соли – в твоей жизни они играли всегда ту же роль, что и в жизни Демокрита. И хотя превосходство твоего ума всегда было таково, что оно противоречило суждению грубых простолюдинов, но такова твоя непредставимая приветливость и кротость характера, что ты можешь легко и с удовольствием снисходить и до средних умов, составляющих большинство любого народа. А посему, я думаю, ты не только с благосклонностью воспримешь эту мою ораторскую безделицу, как память о друге, но и примешь её под своё крыло. С сего дня, посвященная одному тебе, она уже не только моя, но и твоя. Но, может быть, сразу отыщутся критики, которые предадутся придирам и станут обвинять меня, отчасти в том, что крылатые эти шутки вовсе не к лицу божественной теологии, что они более язвительны, чем позволяет христианская скромность, может так случится, что меня даже обвинят в том, что мной вокрешена античная комедия или, вдохновившись Лукианом, я высмеиваю здесь всех подряд. Единственным моим оправданием для тех, кого возмутит легковесность предмета и комический характер изложения, будет напоминание, что я лишь следовал примеру целого ряда великих писателей.

Сколько веков тому назад Гомер воспел *войну мышей и лягушек*, Марон – комара и чесночный пирог, Овидий – орех! Поликрат написал похвальное слово Бусириду, которое затем исправил

Исократ, Главк восхвалял судебный беспредел, Фаворин – уродство и лихорадку, Синесий —

лысину, Лукиан – муху и блоху, Сенека сочинил шуточный *апофеоз* Клавдия, Плутарх – разговор Грилла с Улиссом¹, Лукиан и Апулей – похождения осла и уже не помню кто – завещание поросенка по имени Хрюнний Корокотта, о чем упоминает ещё святой Иероним.

А потому, если им угодно, пусть они думают, что я играю за столом в бирюльки или если им так больше нравится, что я езжу верхом на швабре.

Ибо не является ли несправедливым, что, когда мы позволяем любому простолюдину играть в те игры, в какие ему нравится играть, мы не позволяем играть в них учёному мужу, особенно когда такие игрушки не лишены серьезности, а дурачество разыгрывается так, что и совсем тупоголовый читатель может извлечь из него больше пользы, чем из нагромождённых и хитровывернутых доводов некоторых людей? Например, когда один, долго и усердно

занимаясь, складывает воедино множество фрагментов, восхваляя риторику или философию, второй слагает панегирик князю, третий побуждает его к войне с турками, четвёртый пророчит, что станет с миром в будущем, а пятый находит какое-нибудь новое средство для лучшей выделки козьей шерсти. И если нет большей чуши, чем относиться к серьёзным вещам как к пустяку, так же точно ничто не несёт в себе большего изящества, чем с серьёзностью рассуждать о пустяках, как делает человек, для которого иная чушь – серьёзнее серьёзного.

Хотя, если только чрезмерное самомнение не ослепит меня в моем собственном деле, я готов восславить глупость, что вовсе не глупо!

Что же касается упрёка в излишней моей кусучести, то скажу лишь, что эта свобода выражаться резко всегда была свойственна всем развитым людям, чтобы они могли публично озвучивать свои умные, остроумные размышления об общих ошибках человечества, и эта свобода не может никого обидеть, если не переходит в распущенность и словесный блуд.

Что-то заставляет меня всё больше восхищаться нежными ушами современников, которые способны выносить только торжественные титулы!

Да, вокруг ещё можно встретить массу таких хитромудрых богомолков, которые скорее стерпят самую свирепую хулу на Самого Христа, чем будут терпеть сквернословие на папу и государя, особенно если это касается их собственного кармана.

Но если кто-то показывает жизнь людей такой, какая она есть на самом деле, не называя никого конкретно, почему, скажите мне, должно видеть в этом издёвку и поношение, а не наушение и пример? А знаете ли вы, сколькими укорами при этом я сам себя терзаю?

И, наконец, тот, кто не щадит ни званий, ни лиц рода

людского, тот ясно показывает, что он не против частных лиц, а только против общественных пороков, против которых он восстаёт. Итак, если кто-нибудь станет вопить, что его укусили, он обнаружит этим только свою вину, нечистую совесть или страх перед истиной. Иероним щеголял правдой в этом роде с большей свободой и куда большей остротой, не щадя иногда самого человеческого племени! Осмелюсь подчеркнуть, что я не только избегал повсеместно имён собственных, но даже более того, всячески старался умерить свой ехидный слог, дабы разумному читателю сразу же стало понятно, что я устремлён скорее к естественному смеху, чем к натужному злословию. И я, по примеру Ювенала, не здесь не разгребал эту запущенную, зловонную клоаку пороков и пошлости, стремясь представить перед вами вещи скорее смешные, чем отвратительные.

А теперь, если остался здесь кто-нибудь, кто ещё чем-то недоволен, пусть на худой конец вспомнит, что нет ничего стыдного в том, чтобы быть атакованным Глупостью, которую я привлёк в наш разговор, стараясь донести до вас величие речений этой особы. Но к чему я пересказываю тебе всё это, человеку знающему, столь превосходному в адвокатской практике, что ни один человек не может лучше защитить своего клиента, даже если дело почти безнадежное! Прощай же, мой прекрасноречивейший Мор, лучший в мире оппонент, будь здрав ии всегда стойко защищай своих славных глуповчан из Мории!

Писано в деревне, 10 июня 1508 г.

Глава I

Глупость начинает чрево вещать и одним своим видом навеивает успокоение на слушателей

Что бы ни говорили обо мне в мире всякие тупорылые дурни (ибо я знаю, как дурно отзываются обо мне глупцы, даже самые глупые из глупейших), и все же Я – то, что я есть, Я – то, чья божественная сущность создала всех богов, и людей, какие когда либо жили на Земле.

И это уже само по себе является достаточным аргументом, чтобы я появилась здесь перед вами. Не успела я ещё и рта открыть, чтобы выступить перед вашим Почтенным собранием, как все ваши лица приобрели какую-то новую и непривычную приятность, как все повеселели и оживились. Посмотрите, как все вы так внезапно просветлели лицами и каким весёлым и сердечным смехом приветствовали меня целым шквалом аплодисментов. Поверхностный взгляд, по правде говоря, на всех вас, тех, кого я вижу вокруг себя, утверждает мне, что тут собрались не кто иные, как гомеровские боги, опьяненные сладким хмельным нектаром и божественным настоем, тогда как совсем незадолго до этого вы сидели такие неуклюжие и задумчивые, как будто пришли посоветоваться с оракулом. И как это обычно бывает, когда Солнце только готовится свить свой сияющий лик, или когда после холодной зимы дыхание Весны снова оживляет землю, благодаря чему все вещи немедленно обретают новый лик, новое цветение и снова становятся молодыми, подобным же образом, только взглянув на меня, вы в одно мгновение приобрели другое выражение лиц. И то, что иные знаменитые риторы с трудом достигают долгами, утомительными и тщательно заготовленными речами, Я достигла самым фактом своего появления!

Глава II

Глупость продолжает свои божественные речения.

Но если вы спросите меня, почему я предстаю перед вами в таком странном виде, навестрите-ка получше ваши ушки, и послушайте внимательно, и вот что я вам скажу: не те уши, я имею в виду, какие вы приклеиваете к голове, когда идёте в церковь, но те, какие у вас за пределами церкви, большущие, красные, мясистые, те, какими вы имеете обыкновение слушать комических певцов, те, какие вы обычно обращаете к площадным жонглёрам, уличным дуракам, заговаривающимся и брызгающим слюнями юродивым и рыночным скоморохам, или такими, какие наш друг Мидас сразу бросал в кастрюлю. Ибо сегодня я склонен некоторое время играть с вами в софиста, но только не такого, какие в наши годы изголяются над пустыми головами подростков, набивая их всякой мусорной ерундой и любопытными пустяками, научая искусству кухонной брани и уподобляя сварливым глупым базарным бабам. Отнюдь нет, я буду подражать тем древним, которые, дабы лучше избежать позорных прозвищ типа Софии или Уайза, предпочли называться софистами. Их делом было прославлять богов и возвеличивать доблестных людей. И подобную похвалу вы услышите от меня, но не в адрес какого-нибудь Геракла или Солона, а в адрес самой себя, то есть Божественной Глупости!

Глава III

В коей Глупость продолжает нахваливаться Себя.

Пусть глупцы почитают несусветной глупостью превозносить Самого Себя, как это делаю я, это их дело! Кто может знать меня лучше, чем я сама и посему кому как не мне самой надлежит наилучшим образом наигрывать на трубах славы и флейтах уважения?

Хотя все же я думаю, что мои самовосхваления несколько скромнее, чем обычная практика наших дворян и мудрецов, которые, отбросив всякий стыд, нанимают какого-нибудь льстивого оратора или лживого поэта, из уст которого они могут непрерывно слышать лживые похвалы себе, то есть всякую несусветную чушь!

И все же, с кажущейся скромностью, они расправляют свои павлиньи перья и поднимают петушиные гребни, а этот наглый льстец приравнивает этого ничтожного человека к богам и предлагает его как абсолютный образец всех добродетелей, совершенно ему чуждых, наряжает жалкую сойку в чужие павлиньи перья, отмывает чёрного мавра добела и, наконец, раздувает комара до размера слона. Короче говоря, я буду следовать старой поговорке, которая говорит: «Хвали себя вдали от соведей!» Хотя, между прочим, я не могу не удивляться неблагодарности, или, скажем так, или небрежности людей, которые, несмотря на то, что они почитают Меня в первую очередь и готовы признаться в моей благодетельной щедрости, всё же ни один из них за все эти века не произнес ни одной благодарственной речи, восхваляющей глупость.; когда еще не было недостатка в тех, чьи изощренные усилия превозносили тиранов, лихорадку, мух, облысение и других подобных вредителей природы до потери пульса и сна. А теперь вы услышите от меня простую импровизированную речь, но тем более правдивую.

Глава IV

Импровизированная речь Глупости.

Я не хочу, чтобы вы думали так, как другие ораторы, созданные для хвастовства остроумием. ибо, как вы знаете, когда они уже лет тридцать расшибают голову о какую-нибудь речь и наконец, собравшись духом, произносят нечто такое, что никогда не было их собственным изобретением, они всё же клянутся, что сочинили ее за три дня, да и то для развлечения; в то время как мне всегда больше нравилось говорить то, что выходило прямо сейчас.

Но пусть никто из вас не ожидает от меня, что я, подобно риторам, стану определять, кто я такая, не говоря уже о том, чтобы прибегать к какому-либо делению, ибо я считаю столь же неудачным ограничивать Силу и влияние той, чья божественность универсальна, или разделять всех в том, в чём все единодушно слиты. Или с какой целью, думаете вы, я должен описывать свою тень, когда я здесь, перед вами, и вы слышите сами, что я говорю? Ибо я, как вы видите, та истинная и единственная дарительница богатства, которую греки называют Мория, латины – Стультиция, а наши простые англичане – просто Глупостью.

Глава V

Сан Глупости сам всё скажет.

Зачем вам так много слов, если одного моего взгляда вполне достаточно, чтобы понять, кто я? Или как будто кто-нибудь, приняв меня за мудреца, не может с первого взгляда по моему лицу и сану убедиться в истинности моего ума? Я не подделка, и в моей внешности содержится то же, что и в моей груди. Нет, я во всех отношениях всегда остаюсь самой собой до такой степени, что меня не могут обмануть и те, кто присваивают себе внешность и титулы мудрецов и меж тем ходят как ослы в Алых капюшонах, хотя после всего их лицемерия уши Мидаса выдают ничтожество их хозяев. Самое же неблагодарное поколение людей, те, которые по виду полностью преданы моей партии, а втайне всё же публично стыдятся моего имени, принимая его за упрёк, по этой причине, поскольку на самом деле они глуповцы, глупцы, хотя хотят казаться миру мудрыми людьми и Фалесами, мы же назовем их мудроглупами или премудрыми глупцами.

Глава VI

Глупость, подражающая древним риторам.

Не лишним будет вам также подражать риторам нашего времени, которые считают себя богами, если только они, подобно лошадиным пиявкам, захотят казаться двуязычными, и верят, что они совершили великий поступок, если в своих латинских речах они способны лишь перетасовать несколько цитат из греческого или латинского, и сделать из них мозаичный салат, хотя и в целом и в мелочах это едва ли кстати. А если им нужны жесткие тезисы, они перебирают какой-нибудь изъеденный червями манускрипт и выбирают с полдюжины самых старых и устаревших пословиц, чтобы сбить с толку своего читателя, полагая, без сомнения, что тем, кто понимает их смысл, они понравятся, а тем, кто ничего не понял, тем лучше, чем меньше они поймут. И они всегда будут восхищаться чужеродным, ибо самые честолюбивые из них будут бурно аплодировать с улыбкой и, подобно ослу, трясти ушами, чтобы им казалось, что они понимают больше, чем остальные.

Глава VII

Выявление родословной Глупости

Но, чтобы плавно подойти к цели: я выдала вам свое имя, но какой эпитет я должна добавить к нему? Какой же как не самый глупый? Ибо каким ещё именем может быть названа столь великая богиня, как Безумие пред её учениками? И поскольку не всем известно, из какого рода Я произошла, с позволения Муз, я сделаю всё возможное, чтобы удовлетворить ваше любопытство. Но все же ни первичный Хаос, ни Орк, ни Сатурн, ни Иафет, ни кто-либо из этих изношенных, заплесневелых богов не были моими отцами, но Плутос, кого нужно счесть по богатству своему, вопреки Гесиоду, Гомеру и даже самому Юпитеру – *divum pater atque hominum rex*, (небесный отец и царь людей). По его единственной мании, как прежде, так и теперь, все священное и мирское существует и переворачивается вверх тормашками. По его мании существуют удовольствия, войны, мир, развиваются империи, советы, суды, собрания, брачные союзы, сделки, лиги, законы, искусства, все вещи легкомысленные или серьезные – простите, дыхания не хватает перечислять, в общем все общественные и частные дела человечества. Без помощи его все это рыгочущее стадо богов, сотворенное поэтами, и те немногие из них, каких можно вообще уважать, едва ли бы уцелели, либо, если бы они уцелели, пребывали бы в самом жалком и ничтожном состоянии. И даже если бы он был врагом всем, сама Паллада была бы ему другом; напротив, тот, кому он благоволит, у того сам Юпитер с его громами на коротком поводке. Это мой отец, и только им я славна! Он не породил меня, выделив из своего мозга, как Юпитера произвёл эту кислую и дурно пахнущую Палладу, но произвёл от этой прекрасной нимфы, называемой Неотетой, самой красивой и очаровательной из всех нимф. Я не была как тот хромой кузнец, рождена в печальных и тягостных узах брака, а родилась, как цветок свободной и сильной любви. И все же, не поймите меня превратно, мой отец тогда был не тем слепым и дряхлым Плутом, каким он представлен у Аристофана, а божеством в полном расцвете сил и цветущей юности, и это, вкупе с тем, что он в то время, был накачан хмельным, солнечным нектаром, которым он наклюкивался до чёртиков на бражных пиршествах богов.

Глава VIII

Продолжение родословной глупости

Что же касается места моего рождения, то, поскольку в наши дни оно считается главным предметом благородства, то я отвечу – я не родилась подобно Аполлону, на плавучем Делосе, или подобно Венере в плещущихся волнах, или в пещерах слепого Гомера, но родилось на Счастливых Островах, где ни сеют, не пашут, не куют, а только собирают и поют – баклуши бьют, где ни о труде, ни о старости, ни о болезнях никогда и духом не слышали, и на чьих полях никогда не растут ни редьки, ни морквы, ни лук, ни бобы, ни другие презренные покойники растительного мира, а, напротив, рута, анжелика, баглосс, майоран, трилистники, розы, фиалки, лилии и все остальные нежные обитатели садов Адониса, радующие зрение и радующие нюх. И, родившись таким образом, я не пришла в мир, как все другие дети, с воплями и плачем, но прямо взгромоздилась на грудь и во весь рот улыбнулась моей матери. Не завидую я ничуть великому Юпитеру, вскормленному козлом, потому что меня вскормили две весёлые пьяные нимфы, а именно Мета, дочь Бахуса, и Апеда, дочь Пана. Они всегда бродят вместе со мной за компанию!

Глава IX

Напарники Глупости

И если вы хотите знать, кто они, эти великолепные парестникик Глупости, моя свита, и не хотите выглядеть мудрее меня, зовите их по-гречески: они все здесь, улыбающиеся и горделивые, – это Филутия, Самолюбивица, вот та, с улыбающимся лицом, что всё время хлопает в ладоши, – это Колакия, Льстивка, та, что словно находится в забытьи полусна – Лета, Забывица, та, что сидит, опершись на локти и сцепив руки, – это Мисопония, Ленивица, о, а эта с гирляндой на голове, так сильно благоухающая благовониями, – это Гедона, дитя наслаждения, а вот та, с пристальным взором, и глазами, за которыми не уследишь – это Анойя, Безумица, с гладкой кожей и полным изнеженным телом – Трифона, Распутница, а что касается двух богов, которые затесались меж ними, суча ногами, то один из них – Комос, Невоздержаник, а другой – Негритос Гипнос, Мертвосонник. Они, говорю я вам, мои домашние слуги, и благодаря их верным советам я подчинила всё в мире своей власти и воздвигла империю над самими императорами. Так что ты наконец узнал мое происхождение, образование и спутников, мой любознательный дружок?

Глава X

Чем люди обязаны Глупости?

А теперь, чтобы вам не показалось, будто я беспричинно и нагло приняла на себя имя Богини, раскройте пошире уши и внимайте, а я расскажу, как далеко простирается моё божественное право и какую пользу я принесла как богам, так и людям. Ибо, если сказанное иными благоразумно, что только Богам предписано помогать людям, и если те, кто первыми принесли хлеб и вино и другие блага людям, заслуженно причислены к числу богов, то почему для общего блага человечества не признать меня, принёсшей всем ещё больше благ, Альфой и Омегой всех Богов, стоящей выше них всех?

Глава XI

Чем люди обязаны Глупости?

Во-первых, что может быть милее и драгоценнее жизни? И всё же от кого, как не от меня, можно сказать, она происходит? Ибо ни копьё Паллады, любимое дочери отца, ни щит Юпитера, собирающий облака, не порождают и не размножают человечество, но даже он сам, отец богов и царь людей, от одного взмаха которого трясутся небеса, должен иной раз расставаться со своим бухающим громом и теми испепеляющими взглядами, которыми он побеждал великанов и которыми, по своему желанию, пугал остальных Богов, и, подобно обыкновенному актеру, переодеваясь всякий раз, когда нужно было делать то, что время от времени делают все, то есть клепать детей. Покажите мне одного из тех, кто так не думает, нет, самого фанатичного фанатика секты Твердолобых, и если он не сбросит бороду, знак качества мудрости, хотя носить бороду скорее свойственно козлам, но покажите мне того, кто, по крайней мере, в этот момент не расстанется с высокомерной серьёзностью, не разгладит лоб, стряхнув с себя жёсткие принципы и в течение некоторого времени не предастся акту безумия и старческого слабоумия. Короче говоря, любой мудрец, кем бы он ни был, если он захочет иметь детей, должен обратиться ко мне. Но скажите мне, умоляю вас, есть ли человек, который подставил бы свою шею под ярмо брака, если бы он, как и подобает мудрецу, сначала взвесил все минусы этого ужасного предприятия? Или какая женщина пошла бы на это, если бы всерьёз задумалась об опасности деторождения или о трудностях воспитания детей? Итак, если вы обязаны своим существованием браку и размножению, то вы обязаны этим браком моему последовательному безумию, а что вы по гроб жизни мои должники, я уже сказала вам. Осмелюсь утверждать, что если самый измудрившийся мудрец вознамерится стать отцом, ему всё равно придётся обратиться ко мне. Я скажу ещё откровеннее! Опять же, та, что только однажды попробовала родить, стала бы повторять это ещё раз, как вы думаете, если бы не мой другой спутник – глазазапорашивающая Лета? Нет, даже сама Венера, что бы там ни долбил об этом Лукреций, не стала бы отрицать, что все её добродетели хромы, косы и бесплодны без помощи моего божественного участия. Ибо из этой маленькой, странной, смешной Майской игры вышли высоколбые философы, повелением времени сменившиеся монахами, кардиналами, священниками и святейшими папами. И, наконец, весь этот сброд богов поэтов, которым так забиты и переполнены небеса, заполонил всё вокруг, да так, что, хотя небеса и столь обширны, они едва ли способны разместить всех возжаждавших.

Глава XII

Чем люди обязаны Глупости?

Но я думаю, что все эти напоминания, что все обязаны началом своей жизни мне – сущие пустяки перед более важным, и я согрешу против истины, если я не покажу вам также, что любая польза, любое удовольствие, которое вам выпало в жизни, также является моим даром. Что это? И как я могу доказать вам это? Можно ли это назвать жизнью то, в чём нет никаких удовольствий? О! Вам нравится то, что я говорю? Я знала, что ни у кого из вас не может быть так мало ума, или столь много глупости, или, вернее, мудрости, чтобы иметь другое мнение. Ибо даже сами стоики, так сурово призывавшие к отказу от удовольствий, лишь изрядно лукавили и поносили их перед простыми людьми ни с какой иной целью, кроме как для того, чтобы, отговорив их от удовольствий, самим предаться им с ещё большим энтузиазмом. Но скажи мне, клянусь Юпитером, что останется от человеческой жизни, кроме скуки, раздражения, пошлости, горестей, если она ни приправлена удовольствием, то есть глупостью? Как не сослаться на свидетельство божественного Софокла, сделавшего мне потрясающий комплимент словами:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.